Δ 778
607

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ М. В. ФРУНЗЕ

Д 778/607

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Д778/Д607
Б28

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ М. В. ФРУНЗЕ

ОГИЗ
Ивановское областное
Государственное издательство
1941

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Сталин о М. В. Фрунзе 5
Автобиография М. В. Фрунзе 7
Дмитрий Фурманов. М. В. Фрунзе 15
Хозин М., генерал-лейтенант. Военный руководитель нового типа 45

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

2014080097

688274

Составитель *Д. Г. Прокофьев.* Подписано к печати 30/VIII 1941 г. КЕ 21125. Печ. л. 1⅝, уч.-изд. л. 1,44. В печ. л. 43648 тип. зн.
Типография издательства Ивановского облсовета депутатов трудящихся. Иваново, Типографская, 4. Зак. 6509

СТАЛИН О ФРУНЗЕ

Речь, произнесенная на похоронах М. В. Фрунзе

Товарищи, я не в состоянии говорить долго, мое душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице тов. Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице тов. Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей. Вот почему так скорбит партия по случаю потери тов. Фрунзе.

Товарищи, этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось

недостаточно, и понадобилась еще одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто подымаются наши молодые товарищи на смену старым. Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых товарищей на смену старым.

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе. Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах.

„Правда"
5 ноября 1925 г.

Автобиография М. В. Фрунзе

Я родился в 1885 г. в г. Пишпеке, Семиреченской области, Туркестанского края. Отец мой по происхождению крестьянин Захарьевской волости Тираспольского уезда, Херсонской губернии. По национальности молдаванин. При поступлении на военную службу был отправлен в состав туркестанских войск. По окончании военной службы остался в Семиречье, где служил фельдшером. Мать моя из крестьян Воронежской губернии, переселившихся в 70-х годах в Семиречье.

Получивши начальное образование в школе, я поступил в гимназию в г. Верном, которую и окончил в 1904 году. По окончании гимназии поступил в Петербургский политехнический институт. Первое знакомство с револю-

---

Написана в 1921 г. в бытность его уполномоченным народного комиссара по военным морским делам РСФСР при Совнаркоме УССР и командующим войсками Украины и Крыма. *Ред.*

Пишпек, ныне г. Фрунзе, столица Киргизской ССР.

ционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования. С первого года университетской жизни вступил в социал-демократическую партийную организацию. В первоначальном студенчестве сразу же примкнул к большевистскому (движению) течению.

С конца 1904 г. стал принимать активное участие в деятельности различных большевистских организаций. В начале 1905 г. стал работать в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Был одним из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков в 1905 г., охватившей весь промышленный Иваново-Вознесенский район. Был делегатом IV объединительного съезда РСДРП в Стокгольме от Иваново-Вознесенского комитета. Был организатором Иваново-Вознесенской окружной организации, а затем Иваново-Вознесенского союза РСДРП, охватывающего как городскую Иваново-Вознесенскую организацию, так и весь Иваново-Вознесенский промышленный район (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково, Родники, Юрьевец, Южа и пр.).

Начиная с 1904 до начала 1907 г. неоднократно подвергался арестам. В начале 1907 г. был арестован в г. Шуе. Судился по обвинению в принадлежности в РСДРП (большевиков) и приговорен к 4 годам каторжных работ. Во время отбытия наказания был при-

влечен вновь по делу о вооруженном сопротивлении полиции. Был судим и приговорен к смертной казни. Ввиду полного отсутствия улик, явного нарушения ряда процессуальных форм, приговор главным военным судом был кассирован, и назначен новый суд. Судился вторично и вновь приговорен к смертной казни с заменой каторжными работами. Дали 6 лет каторжных работ с добавлением к прежнему сроку наказания. Отбывал наказание во Владимирской центральной, в Николаевской центральной и в Александровской центральной (в Сибири) каторжных тюрьмах. В связи с применением скидки вышел на поселение в конце 1914 г. в Верхоленский уезд Иркутской губернии. Летом 1915 г. снова был арестован за создание организации. В августе 1915 г. бежал из тюрьмы и работал нелегально в Забайкальской области под фамилией В. Г. Василенко.

В конце 1915 г. совместно с несколькими товарищами создал большой еженедельный орган «Восточное обозрение» и был одним из редакторов его. Будучи обнаружен охранкой и по счастливому случаю спасшись от ареста, бежал в Россию. Под фамилией «Михайлов» попал на Западный фронт в Всероссийский земский союз. Работал здесь над созданием нелегальной революционной организации. К моменту февральской революции стоял во главе подпольной революционной организа-

ции с центром в Минске и имевшей отделения в X и III армиях.

С начала Февральской революции стал одним из руководителей революционного движения в Минске, в Белоруссии и на Западном фронте. Провел разоружение минской полиции и жандармерии и стал начальником минской гражданской милиции. Был организатором Минского совета рабочих депутатов и постоянным членом исполнительного комитета. Был организатором Советов крестьянских депутатов в Белоруссии, провел два съезда белорусского крестьянства. Был председателем Советов крестьянских депутатов в Белоруссии первого созыва и председателем исполнительного комитета. Был членом президиума Всероссийского съезда крестьянских депутатов от Белорусской области. Был одним из организаторов съезда армий Западного фронта и в результате съезда был избран членом фронтового комитета армий Западного фронта. Был одним из редакторов большевистских газет, издаваемых в Минске («Звезда»).

В корниловские дни совместным заседанием фронтового комитета и исполнительного комитета Минского совета был назначен начальником штаба революционных войск Минского участка.

С конца августа уехал в г. Шую Владимирской губернии, где стал председателем Сове

та рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Был избран председателем Шуйской городской думы и председателем Шуйской уездной земской управы. От г. Шуи был представителем на Демократическом совещании в Петрограде.

В момент Октябрьской революции стал во главе вооруженных сил Шуйско-Ивановского района и привел в Москву 30 октября двухтысячный вооруженный отряд из рабочих и солдат. Принимал непосредственное участие в октябрьских боях. С организацией Иваново-Вознесенской губернии стал председателем Губисполкома. Все время был председателем Шуйского уездного комитета партии и Иваново-Вознесенского губернского комитета партии. Был делегатом на всех съездах Советов, начиная со второго.

Был избран во Всероссийское учредительное собрание от Владимирской губернии от партии большевиков.

В течение весны и лета 1918 г. наряду с исполнением обязанностей председателя Губисполкома и председателя губкомпартии был губернским военным комиссаром и председателем губсовнархоза. После Ярославского восстания был назначен окружным военным комиссаром Ярославского округа. В декабре 1918 г. получил назначение командующего IV армией на Восточном фронте.

В апреле 1919 г., в момент наивысшего развития наступления колчаковской армии и создавшейся угрозы Казани, Симбирску и Самаре, был назначен командующим четырьмя армиями южного участка Восточного фронта (4-я, 1-я, Туркестанская и 5-я). Организовал и провел удар во фланг наступавшим колчаковским армиям из района Бузулука, приведший к срыву наступательной операции Колчака и к быстрому отходу его армии на всем Восточном фронте.

Оставаясь командующим южной группой, принял непосредственное руководство Туркестанской армией, действовавшей на уфимском направлении. Провел уфимскую операцию и переправой через реку Белую 7—8 июня разбил войска противника, защищающие подступы к Уфе, и 9 июня занял последнюю. За эту операцию награжден орденом Красного знамени.

В конце июня получил назначение командующим всеми армиями Восточного фронта. Руководил операциями армий фронта до момента захвата нами Челябинска и перехода через Уральские горы по всему фронту.

В августе 1919 г. с разделением восточного фронта на два направления (сибирское и туркестанское) был назначен командующим армиями Туркестанского фронта (XI, IV, I и войска в Туркестане). В течение сентября месяца повел операцию по окружению и уничто-

жению южной армии Колчака по с. Комиссаровскому генерала Белова. В результате операции были восстановлены связи с Туркестаном и переход оренбургского казачества на сторону советской власти.

В течение декабря руководил операциями по ликвидации уральского фронта, что и закончил в конце декабря со взятием нами г. Гурьева и занятием берегов Каспийского моря.

Оставаясь командующим армиями Туркестанского фронта, был назначен членом комиссии Всероссийского центрального исполнительного комитета по делам Туркестана, а также членом комиссии Центрального комитета РКП по делам Туркестана.

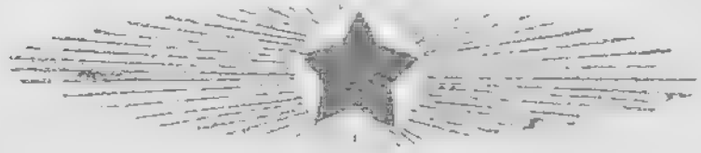
С 15 февраля по август 1920 г. работал в Туркестане. Руководил операциями по ликвидации Семиреченского белогвардейского фронта. В конце августа руководил операциями по ликвидации бухарского эмирата и по созданию Бухарской народной советской республики. В сентябре 1920 г. был назначен командующим армиями Южного фронта (против Врангеля). В последних числах ноября закончил операцию по ликвидации южно-русской контрреволюции занятием Крымского полуострова.

После ликвидации внешних фронтов был назначен уполномоченным Революционного военного совета республик на Украине и

командующим всеми вооруженными силами на Украине. На ноябрьской Всеукраинской конференции был избран членом Центрального комитета коммунистической партии большевиков Украины.

Съездом советов Украины был избран членом Всеукраинского ЦИК. Был членом Всероссийского центрального исполнительного комитета всех созывов, начиная с третьего. На X съезде РКП был избран членом Центрального комитета РКП.

В настоящее время работаю на Украине в качестве уполномоченного Реввоенсовета республики и командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма.



ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ

М. В. ФРУНЗЕ *

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Помню я — Иваново-Вознесенск, 1917 год, жуткий голод, неисходную безработицу, ар-мию раздетых голодных ткачей. А наряду с тем — кипучая работа в фабзавкомах, закреп советской власти, строительство новой, крас-но ткацкой Иваново-Вознесенской губернии: из кусочков Владимирской, Ярославской и Ко-стромской надо было сшить свою, текстиль-ную. Фрунзе в те дни работал председателем Шуйского совета. И его вызвали в Иваново — на это новое большое дело. В конце года были съезды, — на этих съездах и решали вопросы организации губернии, — в работах съездов первая роль принадлежала Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Я первый раз увидел его на заседании и

* Из неопубликованных дневников.

запечатлел в памяти своей добрые серые глаза, чистое бледное лицо, большие темнорусые волосы, откинутые назад густой волнистой шевелюрой. Движения Фрунзе были удивительно легки, просты, естественны — у него и жестикуляция, и взгляд, и положенье тела как-то органически соответствовали тому, что он говорил в эту минуту: говорит спокойно — и движения ровны, плавны, и взгляд покоен, все существо успокаивает слушателей; в раж войдет, разволнуется — и вспыхнут огнями серые глаза, выскочит на лбу поперечная строгая морщинка, сжимаются нервно тугие короткие пальцы, весь корпус быстро перематывается на стуле, голос напрягается в страстных высоких нотах, и видно, как держит себя Фрунзе на узде, как не дает сорваться порову, как обуздывает кипучий порыв. Прошли минуты, спало волненье — и вошли в берега передрожавшие страсти: снова кротки и ласковы серые глаза, снова ровны, покойны движенья, только редко-редко вздрогнет в голосе струнка недавнего бурного прилива.

Я запечатлел образ Фрунзе с того памятного первого заседанья в семнадцатом году, и сколько потом ни встречался с ним в работе, на фронтах ли — я видел всегда его таким, как тогда, в первый раз: простым, органически цельным человеком.

От общения с ним, видимо, у каждого оставался аромат какой-то особой участливо-

сти, внимания к тебе, заботы о тебе — о небольших даже делах твоих, о повседневных нуждах.

Недаром и теперь, когда встал он на высочайшем посту народного комиссара, — и теперь ходили к нему на прием вовсе запросто и блузники-ткачи и крестьяне-лапотники, шли к своему старинному подпольному другу Мише, которого еще по давним-давним дням знали и помнили как ласкового, доброго сероглазого юношу.

КАК СОБИРАЛСЯ ОТРЯД

Иваново-Вознесенск. Конец 1918 года. Заседает бюро губкома — обсуждают вопрос о необходимости создать спешно рабочий отряд, пустить его на колчаковский фронт. Говорит Фрунзе:

– Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешнейшем порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят, — ЦК проводит партийную мобилизацию... А нам, иваново-вознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне — там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынущие в безработице корпуса...

Я помню, — все мы, верно, до последнего

человека, заявили о готовности своей идти на фронт. Но нельзя же отпустить целый губком, — стали делать отбор.

И какое было жадное соревнованье: впереобой каждый рвался, чтоб отпустили именно его, высказывал доводы, соображения... В личной беседе, еще раньше, Фрунзе говорил мне, что берет с собой; он уже назначался командовать IV армией. И каков же был удар, когда я узнал, что вместо меня едет Валерьян*. Я устроил сцену и Валерьяну и Фрунзе.

— Ну, как-нибудь там уладьте... может, и отпустят, — посоветовал Михаил Васильевич.

Переборол. Согласились. Уж много позже дали бумагу в том, что являюсь:

«...уполномоченным Иваново-Вознесенского губернского комитета Российской коммунистической партии по препровождению отряда особого назначения при IV армии в район действий этой армии».

На этом же заседании постановили и про отряд. У меня сохранился самый документ. Вот он:

«Выписка из журнала заседания бюро губернского Иваново-Вознесенского комитета Российской коммунистической партии от 26 декабря 1918 г.

1. Ввиду особой важности для нашего про

---

* Наумов.

мышленного текстильного района скорейшего завоевания Оренбург-Ташкентского направления;

2. Ввиду необходимости поднять настроение стоящих там красноармейских частей и

3. Принимая во внимание отъезд на этот участок фронта председателя губернского комитета партии товарища Фрунзе — постановляется:

Организовать отряд особого назначения из рабочих Иваново-Вознесенского текстильного района и отослать его в район действия IV армии».

Мы дружно взялись за отряд — рабочие шли охотно, в короткий срок набралось как надо. Приодели из последнего, добыли с трудом оружие — кажется, сносились с Москвой, свезли оттуда.

Натащили литературы; в гарелинских казармах, где стояла часть отряда, вечерами занимались культработой, готовились к фронтовой борьбе, — понимали, что придется действовать не только штыком, но и дельным, нужным словом. Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе — Павел Степанович Батурин. Он заведовал тогда губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда все время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду.

Позже, в конце 1919 года, прислал его Фрунзе вместо меня, отозванного на другую

работу, — комиссаром Чапаевской дивизии. Но недолго проработал он на этом посту — казацкий налет изрубил штаб, изрубил политический отдел, погиб тогда в жестокой сече и славный комиссар Павел Батурин.

Мне помнится, он все рассказывал про Фрунзе, как тот сидел во владимирском централе, как ему Павел Степанович переправлял туда книги, рассказывал диковинные вещи про смертника Фрунзе: в заключенье он не потерял бодрость настроения, много занимался собою, изучал что было можно, для товарищей являлся лучшим образцом, подбадривая их своим примером.

Отряд был готов. Погрузились. Проводили нас тысячные толпы рабочих, наказывали не посрамить красную губернию ткачей, клялись не забывать наших семей, помогать им в трудные дни.

Мы приехали в Самару, там ждал приказ Фрунзе — направляться немедленно в Уральск

Так началась боевая история славного Иваново-Вознесенского полка — он бился с Колчаком, потом ходил на польский фронт — в рядах героической Чапаевской дивизии.

И в самые тяжкие минуты помнили бойцы своего командира Фрунзе, воодушевлялись одною мыслью, что он где-то здесь, около них, что он руководит борьбою...

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

В конце восемнадцатого года, когда решен был вопрос об отправке на фронт из Иваново-Вознесенска рабочего отряда, мы, группа партийных тамошних работников, собрались на разлуку; многие из нас уезжали вместе с отрядом.

Собрались запросто посидеть, потолковать, обсудить обстановку, создавшуюся в губернии в связи с отъездом такой массы ответственных партийцев, всего что-то человек двадцать — двадцать пять. Мы понимали, что собираемся, может быть, последний раз, что больше в таком составе не собраться уж никогда: открывалась перед нами новая полоса жизни. Вот мы рассыплемся по фронту, вот перекинемся на окраины, зацепимся на боевых, командных, на комиссарских постах, может быть, застрянем где и по гражданской работе в прифронтовой полосе.

Так думали, так оно и случилось; мы уже потом, через годы, совсем неожиданно сталкивались друг с дружкой где-нибудь на Урале, в Сибири, в Поволжьи, даже в далекой окраине Туркестана, в Джетысуйской области. Иные уж и совсем не воротились назад: в первых же боях с уральскими казаками погиб старейший большевик Мякинев; потом зарубили казаки же под Лбищенском Павла Батурина, а где-то под Пугачевом, окружив

и искрошив наш полк, озверевший враг надругался над трупом рассеченного в бою незабываемого бойца и комиссара Андреева.

Да, мы знали тогда, в этот прощальный вечер, что собираемся в последний раз. С нами был и Фрунзе — он вскоре принимал командование армией, уезжал в Самару. Сколько там выхлестнуто было пламенных речей, сколько было пролито дружеских настроений, сколько раскатилось гневных клятв, обещаний на новые встречи, какая цвела там крепкая, здоровенная уверенность в счастливом исходе боевой страды!

Помню, Фрунзе говорил все про свое, про заветное:

— Ну, что ж, тяжело, — может быть и тяжелее. Нам бы вот теперь эту пробку откупорить, что под Оренбургом, — там прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Эх, хлопок, хлопок, как бы ты разом на ноги встряхнул наши притушенные корпуса!..

И когда мы потом очутились на фронте, казалось — самая острая мысль, самое светлое желанье Фрунзе устремлены были именно к Туркестану.

Лишь только «откупорили оренбургскую пробку», Фрунзе сам помчал в Ташкент, и с какой он гордостью, с какой радостью сообщал тогда всем о первых хлопковых эшелонах, тронутых на север: видно, в этот момент

осуществлялась лучшая желаннейшая его мечта...

Сидели и толковали мы тогда, в Иванове, про разное, говорили много и про голод рабочего района.

— Будем оттуда помогать, — сказал уверенно Фрунзе. — Как только малейшая возможность — глядишь, десяток-другой вагонов хлеба можно и дослать!

И помню — уже с фронта сколько раз отсылал он голодным ткачам хлебные составы, сколько положил он тут забот, сколько выдержал осад из Наркомпрода, сколько крови попортил на спорах, на уговорах, на всей этой сложнейшей возне с заготовками и самостоятельной переправкой эшелонов к Иваново-Вознесенску: в те дни задача эта была исключительно трудна.

И вот о чем, о чем только ни говорили мы в тот памятный вечер — все зарубал Фрунзе в своей памяти, все осуществлял потом среди адской работы, несмотря ни на какую сложную обстановку.

Он свой северный край, Иваново-Вознесенский край, любил какой-то особенной, нежной любовью. Даже и теперь, в эти вот дни перед смертью, перед операцией, он наказывал кому-то из ближайших друзей:

— А помру — похоронить меня в Шуе... там — знаешь, что на Осиновой горке...

И все-все припомнилось мне теперь из того незабываемого прощального вечера.

Мы пели песни, запевали его любимую:

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зеленый мой...

Мы хором подхватывали, дружно вели мелодию прекрасной печальной песни. Пел и Фрунзе. Он положил голову на ладонь и подтягивал. Пел, а серые умные глаза были свежи и трезвы, видно было, что и за песней все работает-работает без перебоя его мысль, не оставляют его какие-то тревожные думы.

Уж давно и далеко вглубь ушел тот вечер, ему восемь диковинных и великих годов. Уж многих нет из тех, что пели тогда про зеленый сад, а теперь вот ушел и лучший, первый между нами, — нет любимого Михаила Васильевича, нет прекрасного и редкостного человека с мудрой головой и с нежным, с детским сердцем.

ВСТРЕЧА В УРАЛЬСКЕ

Иваново-Вознесенский рабочий отряд временно задержали в Самаре. Нас четверых Фрунзе спешно вызывал в Уральск. Стояла глухая зима 1919 года. Красная линия фронта была под самым Уральском, что-то верстах в двадцати-тридцати. Мы ехали степями, на перекладных и дивились на сытую жизнь

степных богатых сел-деревень. После голодного Иваново-Вознесенска, где месяцами не давали хлеба ни единого фунта, где жили люди картофельной шелухой, а картошку ели взасос и на закуску, нам после этого сурового голода степная жизнь показалась сказочно-привольной, удивительной и не похожей ничуть-ничуть на ту жизнь, которою жили мы вот уже полтора голодных года.

Было здесь и другое, что отличало степную жизнь от нашей северной: близкое дыхание фронта. Степь была — как вооруженный лагерь: она полна была и людьми, и лошадьми, и скотом, и хлебом — мобилизована для фронта. Здесь и разговоры были особенные — все про полки, про казачьи сотни, про недавние бои, про смерть близких людей. Попадались то и дело раненые, приехавшие в семьи на поправку.

Мы остро чувствовали, что едем в новую жизнь.

Приехали в Уральск. Уральск — просторный степной город, в нем сгрудилось в те дни огромное количество войск: отсюда уходили полки на позицию, сюда приходили со смены, здесь отдыхали, чинились, подкреплялись, и уходили снова. По городу грохотала непрерывная пальба, нето учебная, нето случайная — на удаль, как здесь в то время говорили: «огонь по богу!» Помнится, встретились с одним из ближайших помощников Фрунзе, с

Новицким Федором Федоровичем, он с ужасом заявил:

— Чорт знает чего палят! И поверите ли, за сутки больше двух миллионов патронов ухлопают... Не взять еще сразу нам в руки — ну, да осмотримся, остепеним...

И в самом деле — остепенили: пальбу и весь этот вольный разгул утишили скоро, особенно же когда влились сюда иваново-вознесенские ткачи.

Мы, как только приехали в Уральск, заторопились увидеть Фрунзе, а он — на позиции. Мы его увидели только ввечеру. И, помним, рассказывал тот же Федор Федорович:

— Насилу его удержишь, Михаила Васильевича: все время выскакивает вперед... Мы уже спрятались за сарай, оттуда и наблюдали... а его все придерживали около себя... Да и бой-то вышел нам неудачный... чуть в кашу не попали...

Мы входили в комнату Фрунзе. Он сидел, склонившись над столом, на столе раскинута карта, на карте всевозможные флажки, бумажки, пометки... Кругом в почтительных позах старые полковники — военные специалисты — обсуждали обстоятельства минувшего неудачного боя, раскидывали мысли на завтрашний день.

Фрунзе принял нас радостно, приветливо, сжал руки, кивнул на диван, показал глазами, что надо обождать, когда окончится совеща-

ние. И потом, когда спецы ушли и мы остались одни, он подсел к нам на диван, обернулся из командующего — старым милым товарищем, каким знали, помнили его по Иваново-Вознесенску, завел совсем иные разговоры — про родной город, про наши фабрики, расспрашивал, как живут рабочие, как мы ехали с отрядом, узнавал, какое настроение в степи, как мы сами тут устроились, в Уральске. Рассказывал про сегодняшний неудачный бой, про новую, замышляемую нами операцию, прикидывал, кого из нас куда послать.. Мы просидели, проговорили до глубокой ночи. Шли к себе в номер, беседовали:

— А под глазами-то кружки... осунулся.

— Пожелтел...

Мы не видели его всего-навсего два месяца, а перемена была уж так заметна. Дорого доставалась ему боевая работа.

Скоро мы все разъехались к действующим частям, утеряли из виду Михаила Васильевича на долгие месяцы.

ДЕСЯТЬ МИНУТ

Иной летучий, крошечный фактик так врезается в память, что не забыть его во всю жизнь. Это значит, что фактик этот по существу своему был не мелочью, что действие его было глубокое, что смысл его был серьезен, и только внешняя форма летучесть,

краткость, внезапность — отпечатлели его как мелочь.

Как-то в 1919 году, в апреле — мае, полки 73 бригады расколотили колчаковскую часть. Уж не помню, насколько значительна и важна была эта победа, не помню, были ли какие трофеи, выигрывалось ли особо серьезное положение. Но после удручающих весенних неудач и этот выигранный бой был на виду. Штаб бригады стоял в какой-то татарской деревушке. Маленькая закуренная комнатка, телефоны, аппараты на столе, склоненные чирикающие телеграфисты. То и дело взвизгивает дверь в избу - - командиры ли, вестовые входят, иной раз в латанной шапке, в ватном балахоне прорвется житель-татарин с жалобой за теленка, за утащенные неведомо кем и когда лопату, бадью, оглоблю...

В штабе шум и гул, в штабе чирикающий беспрерывный говор аппарата... И вдруг тихо:

— Фрунзе приехал...

— Как Фрунзе, где?

— Сюда не смог — машина стала в грязи... Подходит пешком. С ним какой-то усатый... Ну уж, конечно, усатый этот — верный его боевой соратник, Федор Федорович Новицкий.

И в штабе вмиг все подтянулось, встало и село на свои места — словно и комната стала просторней, и аппарат заработал отчетливей, и взгляды у всех посвежели, заободрились, засветились.

Короткой и крепкой походкой, как всегда, чеканно отстукивая каблуками, Фрунзе вошел в штаб. Мы хотели было рассказать про удачу, а он уже все знал; ему хотели рассказать про общее положенье, настроение татар-сельчан, про трудности с перевозкой артиллерии по этакой глинистой вязкой дороге, про медленный подвоз патронов, про нехватку, а он сам, прежде чем скажут, подсказывает то же самое: видно, сводки и отчеты не соскальзывали у него с памяти, а зацеплялись там какими-то крючочками и цепко держались до нужной минуты. Он пробыл недолго. Тут же, за этим штабным столом, наметал благодарственный приказ и передал его:

— Распространить... Прочесть... Молодцы, ребята!..

Он пробыл всего, может быть, десяток минут — заглянул только по пути, торопился в другое место.

И после этого короткого визита — отчего же стало всем так легко, словно набрали полной грудью свежего воздуха и дышат — не могут надышаться?

Простые нужные слова, этот освежающий, бодрящий приказ, эта весть по полкам, что Фрунзе тут, около и сказал спасибо ребятам за удачу — все это освежающей волной прокатилось по полкам, и полки помолодели, повеселели. Кажется, и крошечный фактик, а, видимо, важен, нужен был он в те дни и

часы. Только весть о приезде и только дружеское слово любимого командира, — а сколько от этого жизни, сколько заново уверенности в себе, какой подъем!

ПРИМИРИТЕЛЬ

Близкие друзья когда поспорят, так крепко: наотмашь, с плеча, не жалея самого дорогого — свою дружбу.

Как-то, злые и нервные до предела, ехали мы в степи с Чапаевым. Он слово — я слово, он два — я четыре. Распалились до того, что похватались за наганы. Но вдруг поняли, что стреляться рано — одумались, смолкли. И ни слова не говорили весь путь — до штаба 73 бригады. Отношения переменились как-то вдруг, и мы ничего не могли поделать с собой. Экспансивный и ревнительный, мало думая над тем, что делает, Чапаев написал рапорт об отставке. Дал телеграмму Фрунзе, что выезжает к нему для доклада. А я знал, о чем будет этот доклад, — Чапаев вгорячах может наделать всяких бед. И я послал Фрунзе поперечную телеграмму: не разрешайте, мол, Чапаеву выезжать на доклад, скоро приедем вместе, тогда выясним дело.

Фрунзе Чапаеву воспретил приезд. Прошли дни горячих боев, — мы собрались, поехали в Самару.

Звоним из штаба на квартиру:

— Михаил Васильевич дома?

У телефона жена Фрунзе, Софья Алексеевна:

— Дома. Лежит больной, но вас примет. Только пожалуйста, недолго, не утомляйте его...

Приехали. Входим. Михаил Васильевич, бледный, замученный, лежал в полумраке, улыбнулся нам приветно, усадил около, стал расспрашивать. Говорит о положении на фронте, о величайших задачах, которые поставлены нашим восточным армиям, справляется о наших силах, о возможностях, рассказывает про Москву, про голод северных районов, про необходимость удесятерить наш нажим столкнуть Колчака от Волги. Говорит-говорит, а про наше дело, про ссору нашу ни слова — будто ее и не было вовсе. Мы оба пытаемся сами заговорить, наталкиваем его на мысль, но ничего не выходит — он то и дело уводит беседу к другим вопросам, переводит разговор на свой, какой-то особенный, нам мало понятный путь.

И когда рассказал, что хотел, выговорился до дна, кинул нам, улыбаясь:

А вы еще тут скандалить собрались? Да разве время, ну-ка, подумайте... Да вы же оба нужны на своих постах — ну, так ли?

И нам стало неловко за пустую ссору, которую в запальчивости подняли в такое горячее время. Когда прощались, мы чувствовали оба

себя словно прибитые дети, а он еще шутил, напутствовал:

— Ладно, ладно... Сживетесь... вояки!

Мы с Чапаевым уходили опять друзьями: мудрая речь дорогого товарища утишила наш мятежный дух.

ФРУНЗЕ ПОД УФОЙ

В весенние месяцы девятнадцатого года черной тучей повис над Волгой Колчак. Мы сдали Уфу, Белебей, Бугуруслан, — в панике красные части россыпью катились на волжские берега. У Бузулука, под Самарой, у Кинеля взад и вперед метались эшелоны, мялись на месте разбитые, упавшие духом полки.

Казалось, ни что уж не может теперь вдунуть дух живой этим войскам, потерявшим веру в себя.

Передовые разъезды Колчака рыскали в сорока верстах от Бузулука, выщупывали Поволжье, шарили наши части. Близились дни драматической развязки.

Накруго сутки — в кабинете Фрунзе, в оперативном отделе, в штабе наших войск — кипела страстная работа. Быстро снимались красные полки туда, где теплилась чуточная надежда, вливали здоровые, свежие роты, ставили новых, крепких командиров из тыла в строй, отправляли отряды большевиков, целительным бальзамом оздоровляли недуж-

ный организм армии; с других участков, с других фронтов перекидывали испытанные части, в лоб Колчаку поставили стальную дивизию чапаевских полков. Гнали на фронт артиллерийские резервы, ящики патронов, винтовки, пулеметы, динамит, продовольствие хозяйственным частям: тыл в эти дни фронту служил, как никогда. «Все для фронта» — и железной рукой проводили в жизнь этот мужественный и страшный лозунг.

У Фрунзе в кабинете совещанья, Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямым проводом, Фрунзе тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булавочек, плавает по тонким нитям рек, перекидывается по горному горшку, идет шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновение над черным пятном большого города — и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты...

Около — Куйбышев чуть крепит бессонные темные глаза, встряхивает лохматую шевелюру; они советуются с Фрунзе налету, они в минуты принимают исторические решенья, гонят по фронту, по тылу, в Москву, гонят тучи запросов, приказов, советов... И вместе с ними — неразлучные, верные, лучшие, которых только выбрал и знал и любил Фрунзе.

Они в те дни провели работу, которую еще не узнала и не оценила история: это они ночи насквозь корпели над мучительно-вздорными сводками фронта, вылавливали оттуда крупицы правды, отметали паническую или восторженную ложь, из этих крупиц составляли какую-то свою, особенную и мудрую правду, это они давали сырье Фрунзе, Куйбышеву, Баранову, чтоб из этого многоценного сырья крепкие головы отжимали самое нужное, из отжатого строили свои планы, из планов свивали грозную сеть, в которую должен был попасть Колчак. Кипел неугомонной, пламенной работой штаб.

Все понимали — какой момент, какая ответственность; здесь не здоровье, не отдых, не жизнь человеческая были дороги, здесь ставилась на карту сама советская Россия. Бешеным потоком хлестала здесь через края творческая энергия этих удивительных людей. Фрунзе умел подбирать своих помощников. С Фрунзе не задремлешь — он разбередит твое нутро, мобилизует каждую крупинку твоей мысли, воли, энергии, вскинет бодро на ноги, заставит сердце твое биться и мысль твою страдать так, как бьется сердце и мучается мысль у него самого. Кто с Фрунзе работал, тот помнит и знает, с какой мукой и с какой неистовой радостью он всего себя, целиком, до последнего отдавал — и мысль, и чувство, и энергию — в такие решающие дни.

Крепко сжат был для удара по Колчаку кулак Красной Армии.

Фронт почувствовал дыханье свежей силы. Вздрогнул фронт в надежде, в нежданной радости. Вдруг и неведомо как перестроились смятенные мысли — полки остановились, замерли в трепетном ожиданьи перемен.

И вот наступили последние дни: Фрунзе повел полки в наступленье...

Как, неужели вперед? Неужели конец позорному бегству, неужто Красная Армия кинулась к новым победам?!

В необузданном восторге, круто обернувшись лицом к врагу, — вдохновенные, строгие, выросшие на целую голову и не узнавшие себя, — бурной лавиной тронули вперед наши войска...

Вот сошлись с передовыми отрядами врага — легко и уверенно сбросили их назад. Крепла вера в себя. Вот снова ударилась с грудью грудь — и снова отшибли вспять. Выросла вера в огромную силу. Вот первые трофеи, первые партии пленных, вот вести, что к нам перешел неприятельский полк, что дрогнул враг по всему фронту...

Вот они, первые вестники побед. О, какой радостью прокатились по красным полкам эти громовые раскаты первых победных дней! Все настойчивей, стремительней мчит вперед неудержимая красная лава. Уже за нами Бугуруслан, за нами Белебей. Чишма, мы выходим

на берег бурной Белой, перед нами высоко по горе раскинулась красавица Уфа. Вот он, ключ к сибирским просторам, вот он, город, который открывает широкую дорогу новым победам:

— Уфа должна быть во что бы то ни стало взята!

Колчак ушел за реку, он на нашем пути взорвал переправы, сжег запасы хлебов, фуража, изуродовал селенья — красные полки несли пепелищами, голой ровенью уфимских просторов. Враг ощетинился на высоком уфимском берегу жерлами английских батарей, офицерскими полками, стальной изгородью крепких надежных войск.

Фрунзе дал клятву взять Уфу, Колчак дал клятву въехать в Москву: две исторические клятвы скрестились на уфимской горе. Уфу стремительно надо вырвать из цепких лап врага. Но как перейти эту бурную Белую, когда нет ни баржей, ни плотов, ни пароходов? Что эти лодочки, что эти бревнышки, стащенные нами к берегам против уфимского моста! Нет, главным ударом надо бить не здесь.

Где-то у Красного Яра, верстах в двадцати ловыше Уфы, наша кавалерия остановила в пути два пароходишка, груженных офицерами: пароходы взяли, офицеров утопили в Белой. Эти пароходишки и должны были сыграть

невиданную роль. Живо построили плоты, стянули к Яру дивизии: первой пойдет Чапаевская, первым полком из Чапаевской пойдет на тот берег Иваново-Вознесенский.

Вечером в Красном Яру совещанье всех командиров-комиссаров из стянутых к берегу частей. На совещании Фрунзе. Он тщательно взвешивает каждую мелочь, высчитывает, сколько часов в короткой июньской ночи, когда упадет в вечернем сумраке и снова займется заря, сколько можно бойцов вбить битком на пароходы и плоты, во сколько минут перебросят они на тот берег один, другой, третий полк... Взвешено все, узнана каждая мелочь — как на ладони весь план, как на ладони наши силы, наши возможности, выверены тонко и точно силы врага, предусмотрены жуткие случайности.

Ну, ребята, разговорам конец, час пришел решительному делу!

И ночью, в напряженной сердитой тишине, когда белесым оловом отливали рокотные волны Белой, — погрузили первую роту иваново-вознесенских ткачей... По берегу в нервном молчаньи шныряли смутные тени бойцов, толпились черными массами у зыбких, скользких плотов, у вздыхающих мерно и задушенно пароходов, таяли и пропадали и снова грудились к берегу и снова медленно, жутко исчезали во тьму...

Отошла полночь. Тихой походью, в легких

шорохах шел рассвет. Полк уже был на том берегу.

Полк перебрался, неслышим врагом, — торопливо бойцы полегли цепями; с первой дрожью сизого, мутного рассвета они, нежданные, грохнут на вражьи окопы.

Здесь, по берегу, всю команду вел Чапаев; командовать полками за рекой услал Чапаев комбрига Сизова. За ивановцами вслед должны были плыть пугачевцы, разинцы, Домашкинский полк...

Наши батареи, готовые в бой, стоят на берегу, — они по чапаевской команде ухнут враз, вышвырнут врага из окопов и нашим заречным цепям расчистят путь... Время сжало свой ход, каждый миг долог, как час. Расплетались последние кружева темных небес. Проступали спелые травы в изумрудной росе. По заре холодок. По заре тишина. Редеющий сумрак ночи ползет с реки.

И вдруг — команда! Охнули тяжко гигантские жерла, взвизгнула страшным визгом утренняя тишина: над рекой, и звеня, и свистя, и стоная, шарахались в бешеном лете смертоносные чудовища, рвалась в глубокой небесной тьме гневная шрапнель, сверканьем и огненным веером искр рассыпалась в жидкую тьму.

О — х... Ох... х... Ох... — били орудия.

У... у... з... и... — бешено рыдали снаряды.

В ужасе кинулся неприятель прочь из окопов.

Тогда поднялся Ивановский полк и ровным ходом заколыхал вперед. Артиллерия перенесла огонь — била дальнюю линию, куда отступали колчаковские войска. Потом смолкла, — орудия снимали к переправе, торопили на тот берег.

Переправляли Пугачевский полк, — он берегом шел по реке, огибал крутой дугой неприятельский фланг. Иваново-вознесенцы стремительно, без остановки гнали перед собою вражью цепь и ворвались с налету в побережный поселок Новые Турбаслы. И здесь встали, — зарываться вглубь было опасно. Чапаев быстро стягивал полки на том берегу. Уж переправили и четыре громады-броневика — запыхтели тяжко, зарычали, грузно поползли они вверх — гигантские стальные черепахи. Но в зыбких колеях, в рыхлом песке побережья сразу три кувырнулись — лежали бессильные, вздернув вверх чугунные лапы. Отброшенный вверх неприятель пришел в себя, осмотрелся зорко, оправился, повернул к реке сомкнутые батальоны и, сверкая штыками, дрожа пулеметами, пошел в наступление. Было семь утра.

В четырехчасовом бою иваново-вознесенцы расстреляли запас патронов, новых не было, с берега свозили туго: пароходики грузили

туши броневиков, артиллерию, перекидывали другие полки.

Сизов отдал приказ:

— Ни шагу назад. Помнить бойцам: надеяться не на что — сзади река, в резерве только... штык!

И когда неприятель упорно повел полки вперед, когда зарыдали Турбаслы от пулеметной дроби, — не выдержали цепи, сдали, попятились назад. Скачут с фланга на фланг на взмыленных конях командир, комиссар, гневно и хрипло мечут команду:

— Ни шагу... Ни шагу назад! Принять атаку в штыки! Нет переправ через реку! Ложись до команды! Жди патронов!

Видит враг растерянность в наших рядах, — вот он мчится, близкий и страшный, цепями к цепям... Вот нахлынет, затопит в огне, сгубит в штыковой расправе...

В этот миг подскакали всадники, спрыгнули с коней, вбежали в цепь...

— Товарищи! Везут патроны... Вперед, товарищи, вперед! Ур-ра!!

И близкие узнали и кликнули дальним:

— Фрунзе в цепи! Фрунзе в цепи!

Словно током вдруг передернуло цепь. Сжаты до хруста в костях винтовки, всполохнули восторгом бойцы, рванулись слепо вперед, опрокинули, перевернули, погнали недоуменные, перепуганные колонны. Рядом с Фрунзе в атаке Тронин, начальник Поарма. И

первая пуля сразу пробила смелому воину грудь: теперь в том месте, где черная ранка, золотой звездой горит на груди у него орден Красного знамени.

Сизов вослед Фрунзе послал гонцов, наказал под дулом нагана:

Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя, к переправе, на пароход!

Берегом уже гнали повозки патронов, их, ползком волоча в траве, разносили к цепям, как только полегли они за Турбаслами. И когда осмелели, окрепли наши роты, — скакал обратно к пароходу Фрунзе. Вдруг грохнуло над головой, и он вместе с конем ударился оземь: коня — наповал. Фрунзе сотрясся в контузии. Живо ему на смену другого коня, с трудом посадили, долго не могли сговориться-совладать, чтобы справить к пароходу, — он, полубеспамятный, уверял, что надо остаться в строю...

Чапаев командовал на берегу: всю тонкую, сложную связь событий держал в руках. Скоро и он выбыл из строя, — пуля пробила голову. Взял командованье Сизов. Жарок шел до вечера бой. Ночью искрошили офицерские батальоны и лучший у врага Каппелевский полк. Утром грозно вступали в Уфу.

Из двух клятв, что скрестились на уфимских холмах, — сбылась одна: ворота к Сибири были распахнуты настежь.

СМЕРТЬ

В начале этого года* погиб драматической смертью старый большевик, иваново-вознесенский ткач Семен Балашов, «Странник», как звали его в подполье. И мы тогда, иваново-вознесенцы, живущие в Москве, собирались обсуждали, как отозваться на эту смерть, как хоронить.

Прошло почти полгода, — и снова собираемся за тем же столом, те же, что тогда, но обсуждаем иной вопрос: как отозваться на смерть дорогого земляка — Михаила Васильевича Фрунзе. Тот раз и сам Фрунзе ходил к балашовскому гробу, теперь надо его хоронить.

У каждого так много-много есть что вспомнить и что сказать, но больше молчим, не вяжутся речи, обрывками слов толкуем про делегацию из Иваново-Вознесенска в пятьсот человек, про комиссию по увековечению памяти, про сборник, что-то еще...

Вот сидит — поникшая, печальная — старая когорта подпольщиков. Они помнят мальчика Мишу, совсем безусого юнца, когда держал он пламенные речи на людных рабочих митингах, знают его по каторжным централам, где юный большевик «Арсений» воодушевлял, заражал товарищей своей бодростью, свежестью, непоборимой верой в победу, — победу великого дела борьбы.

---

* Т. е. 1925 г.

Они его помнят по тюрьмам, по ссылке, знают, как он спокойно, мужественно ожидал виселицу... Летучие мысли, памятки, воспоминанья...

Потом пошли в Колонный зал.

Там траурной сетью обвиты стены, там в тысячах огней горит зал, но невесело его сиянье, тускл этот похоронный свет пустых огромных комнат.

Склонились знамена, в черных лентах замер портрет красного полководца. Тихи разговоры, задушены горечью, болью стиснуты речи, — так тихо бывает только в комнате трудноболького, когда близка смерть.

Уж полночь, — скоро из больницы привезут гроб. Мы выстроились в ряды, ждем. И вот — заплакал оркестр похоронным маршем, вздрогнули ряды, головы обернулись туда, где колыхалась красная гробница. Внесли, поставили, первый караул встал на посту — члены Политбюро ЦК. За ними новый караул и новый и новый — бессменные караулы у гроба полководца...

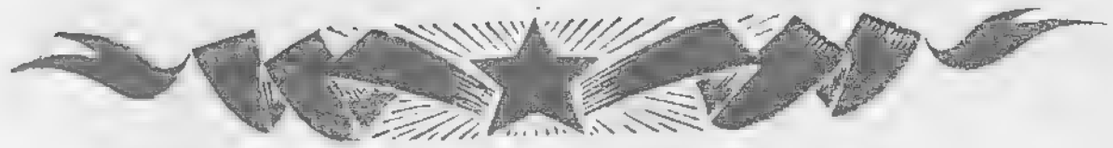
Вот Надежда Константиновна, — скоро два года, как первый раз стояла она здесь у изголовья другого гроба. Как сложны должны быть чувства, как мучительно должно быть теперь ее состоянье, — не прочтешь ничего в глубоких морщинах лица: так оно много вобрало в себя страданья, что застыло в сосредоточенном, недвижном выраженьи, — лучатся

только горем выцветшие очи верного друга великого человека.

Мы дежурим в третьем часу.

Стою, смотрю в это мертвое лицо, на черную ленту волос, на просек ресниц, на глаза, закрытые смертью навек, на сомкнутые крепко губы — и вспоминаю всю свою жизнь, встречи с этим бесконечно дорогим человеком, сыгравшим в жизни моей большую роль. Но об этом не теперь, будет время — вспомним.

Проходят вереницы в почетные караулы. — До утра не редеет толпа. А с утра приливают новые волны, отряд за отрядом, — идет Москва к праху воина.



Генерал-лейтенант М. ХОЗИН

ВОЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ НОВОГО ТИПА

Воспитанию и обучению кадров партия Ленина—Сталина уделяла и уделяет исключительное внимание. Кадры, овладевшие техникой и основами марксизма-ленинизма, решают успех всякого начинания. Великой пролетарский полководец Фрунзе с присущей ему энергией и глубоким знанием дела посвятил много труда созданию большевистских кадров Красной Армии.

Возглавив в 1924 году военную академию, получившую впоследствии его славное имя, он провел коренную реорганизацию всего учебно-воспитательного процесса.

Фрунзе требовал глубокой и всесторонней военно-теоретической подготовки командира в тесной увязке с практикой. Он неоднократно указывал: «Те задачи, какие сейчас ставятся перед руководителями Красной Армии, не по-

хожи на задачи прежнего порядка. В прежнее время от того, кто готовился к роли начальника, руководителя, вождя, требовалось далеко не то, что требуется теперь. Сейчас дело обстоит сложнее. Нужно знать не только свое узковоенное дело. Нужно быть во всеоружии целого ряда других познаний».

Правильное понимание вопросов экономических, политических, их взаимодействия и влияния на военное дело возможно только при твердом знании основ марксизма-ленинизма. Фрунзе требовал, чтобы командир Красной Армии в совершенстве овладел методом марксизма-ленинизма, ибо «учение ленинизма представляет из себя квинт-эссенцию тех стратегических взглядов и взглядов тактических, которыми руководилась наша большевистская партия в своей борьбе с капитализмом. В классовой борьбе имеется стратегия, имеется тактика как элементарная, так и общая, только тот, кто усвоит себе существо этой стратегии рабочего класса, может быть руководителем борьбы рабочего класса за его освобождение». Изучение основ марксизма-ленинизма составляет краеугольный камень подготовки командира. Марксистско-ленинская теория, являясь основой политического воспитания и образования в широком смысле, вместе с тем представляет собою базу для правильного понимания военных явлений и изучения военных дисциплин.

Фрунзе требовал положить в основу обучения и воспитания кадров единую систему военно-теоретических взглядов по всем основным вопросам военного дела. «Это единство взглядов, которое должно создать в армии единство мысли и воли, превратить ее в мощную, крепко спаянную организацию, является обязательной предпосылкой планомерной работы воспитания и обучения».

Ныне это единство достигается наличием в армии уставов и наставлений, являющихся обобщением боевого опыта. Понятно, что этот опыт непрерывно умножается, растет, изменяется и военная техника, повышая требования к кадрам Красной Армии.

Фрунзе неустанно подчеркивал маневренный характер будущей войны, а отсюда и сугубую маневренность боевых действий. В наши дни война сохраняет маневренный характер, это целиком подтверждается опытом последних войн. Требование Фрунзе овладеть маневренностью на поле боя отнюдь не исключало необходимости изучения позиционных форм борьбы. Он не раз подчеркивал, что «Никакая маневреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности». Более того, «правильное маневрирование немыслимо без широкого использования позиционных средств борьбы на определенных особо важных рубежах». Отсюда следовал логический вывод — научить командира использовать все

доступные ему формы маневра и средства борьбы. «Все может быть хорошо в свое время и на своем месте, и искусство военачальника должно проявиться в умении из множества разнообразных методов и средств избрать в каждом данном случае наиболее подходящий».

Требуя тщательного изучения всех видов боя, Фрунзе наибольшее ударение делал на наступлении. В этом он исходил из совершенно правильного положения, что самым лучшим видом обороны является наступление и что передовой, поднимающийся класс — пролетариат неизбежно должен наступать. Фрунзе утверждает: «Сама атака, само нападение усиливают атакующую сторону и дают ей более шансов на успех. Я утверждаю, что атака и наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны».

Командир Красной Армии наряду с наступлением должен изучать и другие виды боевых действий, в частности оборону и выход из боя. Одно время у нас получила распространение сугубо вредная точка зрения, заключавшаяся в том, что не следует учиться отступлению, ибо мы не собираемся отступать. Следует напомнить по этому поводу указания Фрунзе о том, что «наши красные командиры должны воспитать себя и людей, подчиненных им, так, чтобы они рассматривали отступление как один из моментов в общем хо-

же на глубоких операций. Отступление может оказаться нужным для того, чтобы создать лучшую обстановку для подготовки нового и решительного наступления».

Современные войны неоднократно подтверждают этот вывод. Отступление, как вид маневра, может иметь место в самой активной наступательной операции и требует тщательного изучения.

Общеизвестно, что непременным условием успешного ведения современного боя является взаимодействие всех родов войск. Этому вопросу Фрунзе уже и тогда придавал огромное значение. Он указывал, что взаимодействие на поле боя основано на взаимном знании свойств различных родов войск и их тактики. Без этого немыслимо организовать правильное взаимодействие. Этот вопрос стоит в центре внимания на всех наших занятиях. Разбирая условия современного боя и оценивая роль техники, Фрунзе указывал, что «не надо забывать ни о стрелковом, ни об артиллерийском деле, ни о других областях нашей работы, вплоть до применения ручного оружия: умения рубить шашками, колоть штыками и пиками и бить прикладом...»

Громадную роль отводил Фрунзе военно-историческому образованию командира, изучению опыта войн. Сам Фрунзе неустанно занимался изучением военной истории, разработкой и суммированием боевого опыта. Он

ность, «ибо последняя есть отражение внутреннего содержания».

Выступая на одном из торжественных собраний Академии, Михаил Васильевич высказал пожелание, «чтобы в следующие годы Военная академия во всех областях своей работы превратилась в рассадник военно-научных знаний и чтобы марксистский метод стал методом руководства во всех областях военно-научного знания».

Это пожелание претворяется в жизнь. Только за последний год Академией подготовлено и опубликовано 18 военно-теоретических трудов.

Наша насущная задача — дальнейшее развертывание научной и учебной работы, чтобы еще выше поднять боевую мощь Красной Армии.

„Правда“,
31 окт. 1940 г.

14 OCT 194

2014080097